

за счет стендовых докладов коллег: Д. С. Московской (Москва) «Черновые наброски к пьесе А. П. Платонова „Объявление о смерти“ (1931)», Н. М. Малыгиной (Москва) «Переработка текста первой публикации рассказа Артема Веселого „Реки огненные“ для переиздания в альманахе „Перевал“», С. А. Петровой (Санкт-Петербург) «Концепция субъектно-объектных отношений в черновых вариантах песни В. Р. Цоя „Игра“».

Некоторые итоги изучения проблематики проекта «Зачеркнутый текст» были подведены в докладе Е. И. Колесниковой (Санкт-Петербург) «Монография „Зачеркнутый текст“ — инновации и „узкие места“». Поскольку разработка проекта проходила под эгидой Пушкинского Дома, на первый план оказались выдвинуты текстологические и общелингвистические исследования. Но это далеко не исчерпывает научный потенциал инновационной проблемы. Осознавая смысловые лакуны, редколлегия, как подчеркнула докладчица, не сглаживает картину: фигурами умолчания или белыми пятнами задается повышенная эври-

стичность, заостряются возможные изводы темы, обозначаются дальнейшие пути научного поиска. Некоторые главы пересекаются по ряду магистральных свойств зачеркнутого. Эти повторы, считает выступавшая, являются подтверждением достоверности выводов и апробации различных методов исследования на разном материале в плане накопления эмпирических наблюдений. Имеющая тематически ризомный характер, книга несет в себе единый замысел, которому, по убеждению Колесниковой, предстоит развиваться и дальше, как в обозначенных, так и во вновь найденных направлениях.

Завершая семинар, его участники согласились с выводом одной из выступавших о том, что наблюдения в смежных областях способствуют взаимообогащению исследовательских подходов, более глубокому и широкому взгляду на проблему, и выразили готовность продолжить работу над проектом.

© Н. В. Лощинская

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-267-270

СЕДЬМОЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

5 декабря 2018 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Седьмой агнографический семинар,¹ проводимый силами Отдела древнерусской литературы ИРЛИ с привлечением коллег из различных научных организаций Петербурга и других городов России. Открыла работу Семинара заведующая Отделом древнерусской литературы Н. В. Понырко, которая в своем вступительном слове рассказала о планах Отдела по созданию научной серии под рабочим названием «Acta Sanctorum Rossica» и предложила посвятить следующий Агнографический семинар обсуждению планируемой серии. Завершая свое выступление, Понырко поздравила с юбилеем В. И. Охотникову, рассказав о ее огромном вкладе в изучение русской агнографии, и объявила, что участники Семинара посвящают свои сегодняшние доклады юбиляру.

¹ О работе предыдущих семинаров см.: Семячко С. А. 1) Второй агнографический семинар // Русская литература. 2014. № 3. С. 256–259; 2) Третий агнографический семинар // Русская литература. 2015. № 3. С. 258–261; 3) Шестой агнографический семинар // Русская литература. 2019. № 1. С. 255–258; Галашева Т. Н. 1) Четвертый агнографический семинар // Русская литература. 2017. № 1. С. 254–257; 2) Пятый агнографический семинар // Русская литература. 2017. № 3. С. 275–277.

Первым прозвучал доклад М. С. Егоровой (Санкт-Петербург) «„Святопомазанная глава“ в русской гимнографии святителям (об одном «неучтенном» топосе)», который был посвящен анализу топоса помазания архиерея на святительское служение на широком сопоставительном материале русской и греческой гимнографии. По наблюдениям исследовательницы, чаще всего в текстах, посвященных святителям, присутствует центральное ядро определенной вербальной конструкции: причастие «помазан» или глагол «помазася» (синонимом выступает синтагма «прият помазание») + творительный падеж лексемы «миро» (синонимы — «масть», «помазание») со значением инструмента (Dativus Instrumenti в греческом) + либо существительное («святительства», «священия»), либо прилагательное в атрибутивной функции. Истоки этой гимнографической формулы, по мнению докладчицы, находят-ся в эпизодах ветхозаветного повествования, главной темой которых является помазание Моисеем Аарона. Как отмечает исследовательница, аллюзия на ветхозаветное помазание в формуле «помазан миром священия» оказывается столь значимой, что, несмотря на противоречие всей новозаветной традиции рукоположения в иереи и архиереи (этот чин не предполагал помазания миром), формула продолжает воспроизводиться максимально часто в службах святителям, становясь их почти обязательным семантическим компонентом,

балансируя при этом на грани буквального и переносного значений. Семантическое поле формулы помазания в греческой гимнографии, по наблюдениям докладчицы, достаточно широко, тогда как русские тексты резко сокращают круг контекстов и, следовательно, пространство значимой семантики. Подводя итоги проведенному исследованию, Егорова констатировала, что формула «святопомазанная глава» использовалась гимнографами как один из вариантов реализации топоса помазания; наиболее близкой к ней выступает формула, универсальная схема которой выглядит так: «Святым Духом помазан миром святительства священнодействовати». Семантика рассмотренной формулы является чрезвычайно многослойной, варьируемой, уточняемой окружающим контекстом. Топос, репрезентируемый этой формулой, предстает еще более сложным семантическим образованием, порождаемым многочисленными интертекстуальными связями.

Доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «К вопросу о литературных источниках в творчестве Пахомия Серба» был посвящен принципам работы известного агиографа на разных этапах его творчества. Материалом для характеристики раннего периода послужили похвальные слова Варлааму Хутыньскому и иконе Знамения, созданные Пахомием в 30-е годы XV века. Как показало проведенное исследование, источниками этих памятников послужили, главным образом, переводные тексты. Докладчица обнаружила сборник, представляющий собой особый вид Торжественника (совмещение минейного и триодного типов), в составе которого читается большая часть использованных агиографом текстов (РНБ. Собр. ОЛДП. Ф. 215; 20-е годы XV века), и высказала предположение о том, что Пахомий Серб мог использовать сборник схожего состава. Поздний период творчества Пахомия рассматривался на материале Агиографического цикла митрополиту Алексею (создан после 1459 года). В работе над ним, как показала Карбасова, агиограф использовал в качестве источников преимущественно русские тексты, среди которых — жития Сергия Радонежского, митрополита Петра, Леонтия Ростовского, епифаниевское Похвальное слово Сергию Радонежскому, Слово на перенесение мощей святителя Николая и посвященная этому событию Служба, а также службы митрополиту Петру и Леонтию Ростовскому. По наблюдениям исследовательницы, обращение Пахомия Серба к русским источникам и более глубокое освоение им «русского письма» совпали с «русификацией» местного пантеона святых, последовавшей за учреждением автокефалии русской церкви. Докладчица отметила также, что если в ранних сочинениях Пахомия способ работы с источниками можно определить как тяготение к микрозаимствованиям, то для его позднейших гимнографических опытов характерно стремление к изменению инципитов.

Тему продолжила З. Н. Исидорова (Санкт-Петербург). В ее докладе «Источники текстов цикла, посвященного иконе Божией Матери „Знамение“, и вопрос его атрибуции Пахомию Логофету» был назван ряд общих ключевых мотивов трех текстов цикла, посвященного празднику иконы Божией Матери «Знамение» (Знаменского цикла): Службы, повествовательного текста под названием «Воспоминание», предназначенного для чтения после шестой песни канонов, и Похвального слова. Исследовательница показала, что отмеченные мотивы отличают тексты Знаменского цикла от «Слова о Знамении» (повествовательного текста, написанного неизвестным автором до создания Знаменского цикла и известного в трех списках первой трети XV века). Эти мотивы происходят из целого ряда гимнографических, повествовательных и панегирических памятников, использованных автором Знаменского цикла (большинство указанных в докладе источников до сих пор не упоминалось в исследованиях), и появляются в одном из текстов цикла в составе фрагментов, заимствованных из какого-либо источника, а в другие тексты включаются в виде парафраз или в переосмысленном виде, но с сохранением ключевых заимствованных лексем. Такое проникающее влияние источников отдельных текстов на весь цикл свидетельствует о том, что все тексты Знаменского цикла связаны единым замыслом и создавались одновременно и одним автором. Особо отмечается, что в Службе заимствования из общих гимнографических источников присутствуют как в канонах, написанных именем Пахомия Логофета, так и в стихирах других частей Службы, относительно атрибуции которых Пахомию в литературе высказывались сомнения. Кроме того, докладчица обратила внимание, что в найденном недавно М. А. Шибальевым списке текстов Знаменского цикла (РНБ. Софийское собр. № 429), написанном рукой Пахомия, есть признаки продолжавшейся работы над текстом. Все эти обстоятельства, по мнению Исидоровой, дают возможность уверенно атрибутировать все тексты Знаменского цикла Пахомию Логофету.

К творчеству этого же агиографа обратилась и следующая докладчица, С. А. Семячко (Санкт-Петербург), которая предложила сообщение на тему «Сочинения Пахомия Серба как литературный источник». Исследовательница остановилась на нескольких примерах — заимствованиях из пахомиевского Жития Сергия Радонежского в агиографические сочинения, представляющие, по преимуществу, вологодскую локальную традицию. В частности, она продемонстрировала перемещение по ряду житий топоса «...откуда таковой и великий в последние сия времена свѣтилник въсия, еда от Иерусалима или от Синаа?», которому жизнь на русской почве дал, как кажется, Пахомий Логофет. Обратившись к житиям Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого, Александра Куштского, Евфросина Псков-

ского, Иоасафа Каменского, докладчица продемонстрировала, какими разными путями попадал в эти жития пахомиевский текст и как авторы или редакторы агиографических текстов, заимствуя понравившиеся им фрагменты и воспроизводя полюбившиеся повествовательные модели, скорее всего, и не подозревали, что они воспроизводят слова Пахомия Логофета.

А. Г. Мельник (Ростов Великий) в докладе «Московский Чудов монастырь как центр почитания русских святых в конце XV — XVI в.» представил исследование, которое базируется на предположении, что если в монастыре хранились книги, содержавшие богослужебные и житийные тексты, посвященные определенным святым, то, значит, эти угодники Божии в нем в той или иной степени почитались. Анализ состава упомянутых книг позволил докладчику представить динамику нарастания в рассматриваемый период количества почитавшихся в Чудовом монастыре русских святых. В конце XV века в нем почитали 9 или 10 таких подвижников, на рубеже XV и XVI веков — 13, в начале XVI века — 21, в середине — 52, в конце — 65. Важно, что и в конце XV века, и в середине и конце XVI-го в монастыре существовали не только отдельные списки житий и служб, посвященных русским подвижникам, но и особые сборники таких произведений. Значит, на протяжении всего рассматриваемого периода в монастыре не прекращалась работа по кодификации данных текстов и упорядочиванию практик почитания святых. В этом отношении Чудов монастырь занимал тогда ведущее положение среди других русских обителей.

А. А. Романова (Санкт-Петербург) в докладе «Панихидное почитание подвижников в агиографических источниках XVII—XVIII вв.» на материале сводов чудес XVII — первой половины XVIII века рассмотрела проблему почитания подвижников панихидами и молебнами. Указание на такую практику сохранилось в ряде памятников севернорусской и сибирской агиографии. Материал агиографических произведений, посвященных Василию Мангазейскому, Евфимию Архангелогородскому, Петру Черевковскому, Кириллу Вельскому, «Сумскому новому чудотворцу» и Иосифу Заоникиевскому, позволяет говорить о значительном распространении такого явления, как одновременное пение панихиды и молебна святому. Чаще всего оно встречается в памятниках, посвященных святым, о биографии которых ничего не известно и которые могут быть названы «неведомыми» или «святыми из гробницы». Автор доклада предположила, что возникновение подобной практики — не только результат неведения составителей житий и чудес, но также показатель ситуации, в которой записывались и редактировались своды чудес.

В докладе А. В. Пигина (Санкт-Петербург) и Е. М. Юхименко (Москва) «К изучению выговских сочинений о святом Александре Оше-

венском» были рассмотрены составленные на Выгу памятники, посвященные ошевенскому подвижнику, и, в частности, — «Чудо Александра Ошевенского в Чаженьгском скиту о некоем муже Евтропии» (в сопоставлении двух его редакций) и «Слово на память Александра Ошевенского», читающееся на 20 апреля. По мнению исследователей, Краткая редакция Чуда является первоначальной, а Пространная возникла на ее основе в результате стилистической переработки, выполненной в традициях выговской риторической школы. Если Краткая редакция представляет собой агиографическое произведение (рассказ о чудотворении святого), то Пространная, хотя и сохраняет сюжетную основу первоначального текста, жанрово может быть отнесена к области эпидейктики: чудо служит здесь поводом для прославления святого. Проведенное источниковедческое и текстологическое исследование позволило авторам доклада высказать — с разной степенью вероятности — предположение о том, что автором Краткой редакции мог быть Василий Данилов Шапошников, а Пространной — уроженец Каргопольского края Даниил Матвеев. На другой вопрос, поставленный в докладе, — о возможности восприятия поморскими книжниками выговских сочинений об Александре Ошевенском как единого комплекса, — по мнению исследователей, можно дать положительный ответ: такой «цикл» существовал как часть монографических агиосборников в честь святого, но состав его был подвижен; в полном же своем виде он сформировался только к рубежу XVIII–XIX веков. Еще одним памятником, который, по мнению докладчиков, мог восприниматься как произведение, прославляющее преподобного и дополняющее круг сочинений о нем, было Житие Диодора Юрьегорского (в нем описывается, как Александр трижды являлся Диодору во время «великого оскудения» в монастыре, призывая его «укреплять братию»): оно читается в единственном полном по составу агиосборнике, посвященном ошевенскому подвижнику (ИРЛИ. Собр. Отдельных поступлений. Оп. 24. № 18).

В докладе М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) «Сочинение Димитрия Ростовского „Мартиролог, или Мученикословие: жития святых, по мѣсяцех и числах въкратцѣ собранныя...“» речь шла о неизвестном произведении Димитрия Ростовского, которое дошло до нас в единственном списке в составе двух рукописей (ГИМ. Синодальное собр. № 811 и РНБ. Q.I.396). В первой «авторизованной» рукописи (с собственноручными поправками и маргиналиями митрополита) сохранились краткие жития на сентябрь, во второй — краткие жития на декабрь, январь, февраль. Жития на сентябрь в составе синодальной рукописи представляют собой, скорее всего, беловой список: здесь имеются киноварные буквы, выделения, абзацы; работа над текстами была проделана тщательная и скрупулезная. Рукопись из РНБ, наоборот, черновая (с правкой,

зачеркиваниями и т. д.), писана, по предположению автора доклада, под диктовку митрополита. Мартиролог был начат, как указано в синодальной рукописи, на Украине, «в обители всемилостиваго Спаса Новгородка Съверского», в 1700 году. Однако, вероятно, в связи с переездом святителя Димитрия с Украины в Россию сочинение не было завершено, хотя изначально, по мнению Федотовой, задумывалось для печати. Приступая к работе над «Мартирологом, или Мученикословием...», Димитрий Ростовский преследовал совершенно утилитарные цели, о чем написал в своем предисловии «К читателю»: во-первых, он полагал, что полные Четьи Миней, книги, большие по объему и дорогие по цене, были почти не доступны для большинства верующего населения; во-вторых, тексты в Четьих Минеях, по сравнению с краткими житиями, были пространными, что делало их трудными для чтения, и, в-третьих, в состав Мартиролога должны были войти, в отличие от Четьих Миней, все памяти на каждый день, т. е. Мартиролог должен был иметь более полный месяцеслов, что позволило бы христианину знать и помнить всех святых. Анализ памятника, представленный докладчицей, показал, что месяцеслов Мартиролога, безусловно, был ориентирован на Четьи Миней Димитрия Ростовского, но имеет и значимые отличия: здесь святитель сокращал тексты, делал интересные дополнения, старался сделать жития не только поучительными, но и занимательными.

Доклад О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Как складывался собор соловецких святых (по литературным памятникам XVI–XVII вв.)» был посвящен изучению идеологических изменений, которые произошли в соловецкой агиографии с наступлением Нового времени. Рассмотрев жития преподобных Зосимы и Савватия, святителя Филиппа, преподобного Германа, Иоанна и Лонгина Яренгских, исследователь пришел к выводу, что все упомянутые выше святые были прежде всего «чудотворцами», имевшими народный культ, который формировался вокруг почитания их святых мощей. Новый этап соловецкой агиографии, по мнению исследователя, начинается со второй половины XVII века. Его основной тенденцией становится расширение собора соловецких святых за счет включения в него малоизвестных подвижников, не имевших народного почитания. Большую часть из них составляют подвижники более ранней эпохи (до середины XVII века), чьи имена лишь эпизодически упоминаются в источниках того времени (например, имена отшельника Иоанна Светоносно-го и Василия Новгородца — в «Житии Зосимы

и Савватия Соловецких»). Этот разряд малоизвестных святых исследователь условно именует «книжными». Дальнейшее развитие соловецкой агиографии, по его мнению, идет по пути собирания сведений о подобных святых, из которых постепенно формируется собор соловецких преподобных. Особого развития этот процесс достигает на рубеже XVII–XVIII веков. Если в середине XVII века общее число соловецких святых достигало лишь шести, то к концу этого столетия оно возрастает до двенадцати (в книге «Сад спасения»), а в начале XVIII века — уже до семнадцати (в «Соловецком Патерике», созданном иноком Евфимием Тросковиным). Таким образом, по мнению Панченко, со второй половины XVII века основной акцент в соловецкой агиографии переносится с почитания местных «чудотворцев» в область исторических разысканий о выдающихся подвижниках прошлого в качестве образцов для подражания братии.

Завершал программу семинара доклад В. И. Охотниковой (Псков) «Литературная деятельность игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия: новые материалы», в котором был рассмотрен вопрос об атрибуции игумену Псково-Печерского монастыря Корнилию «Послания нѣкоего старца господину князю имярек», которое читается в сборнике XVI века (РГАДА. Ф. 190 (собр. Мазурина). Оп. 1. № 1054. Л. 524 об. — 528). Незнакомый автор, «грешный чернец», сообщает, что посылает князю «повесть о начале сего святаго места печернаго, да не убо въпрашаши насъ к тому о семъ, но да въ своемъ дому имаши написано моею рукою грешною, яже суть истинна о семъ святемъ мѣсте» (Л. 525–525 об.). Название произведения, которое «грешный чернец» посылает князю, совпадает с названием «Повести о Псково-Печерском монастыре», написанной Корнилием в 1531 году. Сохранилось пять списков XVII века, в которых текст «Повести о Псково-Печерском монастыре» сопровождается посланием Корнилия некоему «христолюбцу». В «Повести...» и в послании «христолюбцу» есть сходные мотивы и выражения, что позволяет считать, что и «Послание некоего старца» также принадлежит игумену Корнилию.

Подводя итоги заседания, С. А. Семячко пригласила присутствующих принять участие в Восьмом агиографическом семинаре, который предполагается провести в конце 2019 года.

© С. А. Алексеева,

© Т. Р. Руди